

ткуются, сиречь сочиняются, словом зело смешным и теми, яже преступают к кошунству (шутке, — *Р. Т.*)».¹¹

Примеры и сравнения, заимствованные у светских авторов, могли приличествовать разве лишь темам нравственного обличения, но они неуместны ни в торжественном слове церковного праздника, ни в поучении истинам святого писания.

Даже прокатолически настроенный Симеон Полоцкий в громадном корпусе своих проповедей к сюжетам Эзопа обращается крайне редко. В «Обеде душевном», воскресные проповеди которого часто связаны с темами воспитания, эзоповские прилоги отмечены только трижды. В «Вечере душевной» — посмертном сборнике проповедей на господские и богородичные праздники и на дни святых — они отсутствуют совершенно.

Тем любопытнее пример памфлетно-сатирического применения эзоповской басни у иеромонаха Евфимия Чудовского, воспользовавшегося традиционной фабулой о волке и осле (в варианте Франческо Филельфа) в «слове» на тему «всяк возносяйся да смирится» (Лука, гл. 14, ст. 11), направленном против Полоцкого.¹² И дело не в том, что к Эзопу обращается «известный представитель строго-православной части на Москве», — жанр обличительного «слова» этому не препятствовал. Интересна прежде всего сама повествовательно-речевая архитектура «Слова»: динамическое единство ораторских периодов, вводящих темы обличения, и стремительно бойких, лепких рифмованных прибауток и ядовитых присловий, эти темы развивающих и квалифицирующих. При этом резкие переходы от ораторской славяно-русской речи к простонародно-бытовым интонациям и прибауточные включения служат у Евфимия отнюдь не пародийному разрушению церковно-книжной основы самого «Слова», а воспринимаются как гротескно заостренные формы карикатурной дискредитации сатирического адресата. Тут впервые, и задолго до Сумарокова, басня на Руси сталкивается с рэшиником.

Слово иеромонаха Евфимия*

Глаголет евангелист: ¹ всяк возносяйся — смирится, а смиряяйся — вознесется.¹

Есть бо во человецех творятся истинне главою, устами и² сердцем — сущим волчим, а не овчим.

Смирением челом бьет и кланяется до земли, дабы камень собрал³ и на главу твою метал; и некогда сказует: виноват! виноват!⁴ — а за дверми наготовал на тебя семь допат.

Смирение сие⁵ волчее, а не овчее.

Ведати подобает, како ся волк смиряет, когда ⁶ овцу или коня уловляет:⁶ не точию главою челом бьет к земле пред овцею, но и на чреве ползает, и хвостом ласкательне гворит, и очима блискает весело, яко свечами.

Овца же⁷ разсуждает, яко то у волка и на сердце,⁸ что ⁹на очех⁹ и на хвосте.

¹¹ Там же, лл. 29 об. и 30 об.

¹² Список «Слова» находится в рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 557, лл. 92 об.—95 об. и — не без ошибок — опубликован Н. Костомаровым в «Летописях русской литературы и древности» (М., 1859—1860, т. III, кн. 5, отд. 3. Смесь, стр. 17—19).

* Текст «Слова» воспроизводится по рукописи Синодальной библиотеки, № 557, с некоторыми сокращениями ораторской части. Вместе с тем в этот текст внесен ряд исправлений и дополнений по рукописи собрания Н. С. Тихонравова, № 249, лл. 437—439 (далее: *Т*), что всякий раз оговаривается в сносках, как и основные разночтения списков.

¹⁻¹ всяк убо смиряяся — вознесется, а возносяйся — смирится *Т*. ² *В ркп.* же и; *испр. по Т.* ³ собирал *Т*. ⁴ *В ркп. нрзбр.; испр. по Т.* ⁵ се *Т*. ⁶⁻⁶ *В ркп.* овцу уловляет или коня хватает; *испр. по Т.* ⁷ Нет *Т*. ⁸ сердца *Т*. ⁹⁻⁹ *В ркп. нет; доб. из Т.*